

Глава 5. Дейв Формен.

Новые мысли эковоиона

Как активист, я избрал темой своего рассуждения проблемы нечеловеческой природы. Я вместе с Джоном Мьюиром решительно принимаю сторону медведей в той войне, которую индустриальное общество объявило Земле. Но это вовсе не означает, что я ненавижу людей как таковых. И из этого не следует, что меня не трогают человеческие страдания, экономическая несправедливость, империализм или нарушения прав человека. Хотя я действительно не могу определить себя как левого, по тем причинам, о которых я упоминал, я всё же согласен со многими либертарными, демократическими левыми по широкому кругу социальных вопросов. Я определённо признаю необходимость в укреплении связей между социальными интересами левых и моими чистосердечными и давними экологическими интересами.

Я многому научился из критических замечаний Мюррея Букчина и готов признать ошибки, допущенные с моей стороны в прошлом. Я часто оставлял невысказанными, иногда даже неизученными, социальные аспекты таких проблем, как перенаселение, бедность и голод, когда пытался обсуждать их биологическую природу. Кроме того, я не всегда ясно давал понять, что для меня невыносимо человеческое горе, которые влекут за собой подобные проблемы. Я вёл себя бестактно, хоть и неумышленно, и за это я смиренно прошу прощения.

Позвольте мне привести два примера. В 1986 г. профессор Билл Диволл, соавтор «Глубинной экологии», брал у меня интервью для австралийского журнала «Простая жизнь» (Simple Living). В этом интервью я сделал два заявления, о которых теперь сожалею, одно о голоде в Эфиопии и другое о латиноамериканской иммиграции в Соединённые Штаты. В первом случае я сказал, в ходе долгого обсуждения проблемы голода и перенаселения: «Худшее, что мы могли сделать в Эфиопии, – это предоставить помощь; лучше всего было бы просто позволить природе найти свой собственный баланс, просто дать людям там умирать от голода... альтернатива заключается в том, чтобы вы поедете туда и спасёте этих полумёртвых детей, которые никогда не будут жить полноценной жизнью. Их развитие будет задержанным. Пройдёт ещё десять лет, и тогда страдать и умирать будет вдвое больше людей». Вопрос об иммиграции я прокомментировал так: «Позволить США быть предохранительным клапаном для Латинской Америки – это не решение проблемы. Это лишь увеличивает нагрузку на ресурсы, которые имеются у нас в США»⁷².

Хотя мне весьма досадно, что эти два мимолётных комментария использовали для того, чтобы отрицать значимость всего сказанного мной и изображать меня расистским и фашистским клоном Дэвида Дюка⁷³, я всё же признаю, что эти высказывания были бестактными и упрощенческими. Я могу видеть, как эти замечания, выдернутые из общего контекста моих тем и работ, дают основание считать меня чёрствым поборником

американского шовинизма. Однако в первом случае я не вполне ясно высказал то, что на самом деле имел в виду, а что касается второго – теперь я отвергаю некоторое из того, что я имел в виду в то время.

Действительно, внимательно выслушав критику в свой адрес, я пересмотрел своё мнение по поводу нелегальной иммиграции. Хотя я всё ещё полагаю, что массовая и неограниченная иммиграция в любую страну – это серьёзная проблема, я не поддерживаю усиление пограничного патруля и других служб, которые пытаются не пускать латиноамериканцев в эту страну. Я не думаю, что это реалистичный или этичный ответ на глубоко лежащую проблему.

Как я говорил ранее, я давно испытываю глубокую симпатию к движению за право убежища. Также я всегда выступал против политики Рейгана – Буша, направленной на поддержку доморощенных феодальных хунт на юге и свержение прогрессивных реформаторских правительств наподобие сандинистов в Никарагуа. Более того, я уже долгое время поддерживаю движение солидарности в США, которое пытается помогать и содействовать реформаторским и революционным движениям в Центральной Америке. Я считаю, что мы должны расформировать ЦРУ и запретить другим ведомствам США тайно или открыто готовить интервенцию в страны третьего мира. Я убеждён, что не будет ни земельной реформы, ни демократии, ни конца репрессий и эскадронов смерти, если латиноамериканский средний класс, крестьянство и городские интеллектуалы не объединятся в негодование и не совершат коренных преобразований посредством революции, аналогичной той, что свергла Сомосу в Никарагуа.

Но, говоря начистоту, я всё ещё хочу задать вопрос: что, если, следуя либеральной догме о неограниченной иммиграции, мы фактически отдаём революции или успех демократических реформаторских движений в Латинской Америке? Это одна из возможных издержек использования нашей нации в качестве предохранительного клапана, выпускающего из Латинской Америки непокорных, сердитых, обездоленных и политически активных граждан, если оставить в стороне воздействие на экологию. Хотя предложение Эда Эбби о том, чтобы отправлять каждого нелегального беженца, который был пойман, домой с винтовкой и тысячей патронов, можно считать легкомысленным и непрактичным, в нём есть крупица здравого смысла, которой пренебрегают либералы и слишком многие левые.

Итак, я приношу свои извинения за то, как мои взгляды на нелегальную иммиграцию могли быть изложены в интервью для «Простой жизни», но при этом я не могу избавиться от мучительных сомнений в отношении неограниченной иммиграции. Несмотря на всё моё сочувствие и расположение к угнетённому народу Мексики и Центральной Америки, несмотря на моё отвращение к искусственным государственным границам, несмотря на мою антипатию к пограничному патрулю, я не могу убедить себя в том, что неограниченная иммиграция из Латинской Америки или откуда бы то ни было станет кардинальным решением проблем здесь или там. Маленький тролль, притаившийся в уголку моего мозга, продолжает изводить меня вопросами. Кому реально помогает неограниченная иммиграция? Как она влияет на устойчивость нашего общества? Не обостряет ли она на самом деле социальные и экологические проблемы здесь и в Латинской Америке? Какие

эффективные и гуманные решения очевидных и скрытых проблем можно найти в этой драматичной ситуации?

Точно так же вызывает у меня серьёзные сомнения однотипная «гуманитарная» иностранная помощь, которая предлагается в ответ на усиливающуюся проблему голода в третьем мире. Именно это я пытался донести в своих комментариях по поводу голода в Эфиопии. Я, однако, оказался не в состоянии чётко изложить этот пункт в моём часто цитируемом высказывании по этому вопросу. Более того, моё опрометчивое, поспешное высказывание как бы подразумевало, что голод был чисто биологическим вопросом, возникшим из-за того, что было слишком много людей и слишком мало ресурсов, и никак не связанным с организацией общества, экономической эксплуатацией или международными отношениями. Ещё это звучало так, будто лучшим возможным ответом со стороны общества было бы ничего не делать, не предлагать никакой помощи и просто позволить голодающим голодать дальше. Я весьма сожалею о тех словах, которые я выбрал для своего комментария. Взятые сами по себе, вне контекста, они действительно кажутся бессердечными.

Я пытался разъяснить – и думаю, мне это удалось, если принять во внимание остальную часть интервью, – что прославленная гуманитарная помощь из Соединённых Штатов или Западной Европы часто не даёт тех результатов, на которые мы надеемся, и даже может вызывать противоположный эффект. Проблема голода имеет много важных причин, которые могут и должны быть устранены дальновидными, творческими действиями со стороны социальных движений в Соединённых Штатах и остальных странах первого мира. Мы, несомненно, сможем сыграть положительную роль, даже при том, что ответы часто неочевидны для меня, да и сама проблема очень сложная и застарелая.

У меня всё ещё остаются вопросы к вызывающей столько восторгов кампании по оказанию помощи во время эфиопского голода середины 1980-х. И я думаю, что эти вопросы отчаянно нуждаются в изучении. Действительно ли грузы продовольствия, отправленные в Эфиопию, облегчили страдания людей? Способна ли такая помощь, в лучших её проявлениях, сделать нечто большее, чем отсрочить этот позорный голод на короткое время, не затронув первопричину проблемы? Какая участь ждёт тех бедняг, которым сохранили жизнь партии продовольствия, отправленные в 1985–86 гг.? Большинство выживших сохранили своё здоровье и рассудок, или они так и останутся увечными и неполноценными? И наконец, не станут ли эти несчастные непосильным бременем, мешающим Эфиопии решать свои проблемы? Знаю, это ужасные и непростые вопросы, но я думаю, мы должны, по крайней мере, принять как данность, что на горизонте этой всё больше превращающейся в пустыню земли маячит новый голод.

Нам нужно тщательно и непосредственно на месте проанализировать результаты этой весьма искренней – и иногда героической – социальной акции. Из того, что я прочёл, у меня сложилось впечатление, что достичь удалось весьма немного и что эфиопская военная хунта использовала поставки продовольствия в качестве политического оружия, чтобы наградить тех, кто поддерживал центральное правительство, и наказать тех, кто поддерживал мятежников в гражданской войне. Так ли уж неправдоподобно в таком случае выглядит утверждение, что от гуманитарной помощи Эфиопии больше всего выиграли (не

считая военной хунты) те, кто вносили вклад в неё на Западе, кто могли упиваться ролью либеральных благодетелей, без необходимости бороться с ощутимым неравенством между первым и третьим мирами, или раскрывать тайны экономического империализма транснациональных корпораций и финансовых учреждений наподобие Всемирного банка, или менять свой собственный сверхрасточительный образ жизни?

Я думаю, можно убедительно доказать, что такие некритические, разовые социальные акции лишь препятствуют появлению хорошо продуманной, долгосрочной программы по оказанию помощи, которая помогла бы местным земледельцам поднять хозяйство, с орудиями и культурами, приспособленными к их специфическим экологическим условиям и общественным нуждам. И дальше нужно задать вопрос, признаю, ужасный вопрос: что, если такая приходящая в последнюю минуту гуманитарная помощь в действительности лишь позволяет местному населению, вышедшему за границы потенциальной ёмкости земли, растянуть своё существование ещё на несколько лет и со временем вызвать ещё большее истощение ресурсов, поддерживающих жизнь людей и других видов? И снова просыпается тролль в глубине моего мозга. Не приносят ли такие либеральные гуманитарные акции больше вреда, чем пользы, как людям, так и земле?

Конечно, растущее с каждым годом число радикальных социальных активистов осведомлено о многих из тех проблем, которые я здесь поднимаю. Но, к сожалению, многие левые (и правые) продолжают упрощённо излагать причины трагедии, происходящей в таких местах, как Эфиопия, так как горят желанием составить как можно более громкий обвинительный акт против того или иного институционального демона, которого выдвигает на первый план их идеология.

Пожалуйста, давайте будем реалистами и признаем, что несколько разных, но взаимосвязанных демонов работают над созданием условий для голода и что перенаселение является одним из них и заслуживает самого пристального внимания. Хотя я согласен, что к вопросу народонаселения можно подходить с узких, расистских и фашистских позиций, я категорически отвергаю представление, что вырастающее на почве экологии беспокойство по поводу человеческого перенаселения во всех без исключения случаях расистское и фашистское. Разве будет расизмом и фашизмом, к примеру, предлагать, чтобы методы и средства контроля рождаемости, включая французский препарат для аборта и стерилизацию, сделали доступными бесплатно для любой женщины или мужчины в мире, которой или которому они понадобятся?

Я не готов заставить тролля-еретика в моей голове умолкнуть, чтобы получить свидетельство о «политкорректности» от левых. И всё же теперь я вижу проблему перенаселения более ясно, чем тогда в 1986 г. Благодаря Мюррею я стал понимать, что те из нас, кого беспокоит заложенная бомба народонаселения, должны изучать все свидетельства так тщательно, как только возможно. Мы должны учитывать многочисленные социальные, культурные и экономические причины роста населения так же, как и биологические, и мы должны выступать за экономическую справедливость и устранение неравномерности в распределении земли, пищи и других предметов жизненной необходимости так же, как и за гуманное и долгосрочное сокращение народонаселения. В этом и заключается моя позиция. Если она кому-то не по душе – прекрасно, только,

пожалуйста, критикуйте именно её, а не сделанное около пяти лет назад экспромтом и вырванное из контекста заявление, которое неточно отражает продуманную мной точку зрения.

К сожалению, я сомневаюсь, что эти подробные разъяснения и извинения удовлетворят всех моих критиков. Кажется, многие из них охвачены догматическим, слепым гневом, который делает их неспособными вступить со мной в аргументированный диалог, чтобы вместе рассмотреть наши позиции и политические разногласия. Мюррей – важное исключение. Печально, но те, кто стремится заглушить меня во время разговора, громко выкрикивая «расист» или «фашист», или раз за разом публично выдвигает против меня одни и те же обвинения в прессе, сделали из меня пугало, которое больше напоминает их собственные фантазии и страхи, чем меня или мою позицию. И ещё более печально то, что, по моему убеждению, эти гневные и несведущие крикуны играют на руку провокаторам. ФБР откровенно нацелилось на меня и надеется заткнуть мне рот – не только преследуя меня своим сфабрикованным уголовным обвинением, но и используя свой талант разваливать общественные движения (отточенный в эпоху программы COINTELPRO на «Чёрных пантерах», Мартине Лютере Кинге и Движении американских индейцев), чтобы выставить это пугало напоказ и заклеить меня как расиста⁷⁴.

Меня часто полностью списывали со счётов люди, чьё представление о моей политической программе основывается единственно на этих двух коротких цитатах, которые выхвачены из контекста и составляют ничтожную часть всего сказанного или написанного мной. Также в порядке вещей стало искажать мои цитаты. Но, возможно, самым раздражающим было то, что меня считали «виновным в соучастии». К сожалению, многие из моих критиков, как правило, предполагают, что, поскольку я восхищаюсь Эдом Эбби и являюсь его давним другом, то я согласен с каждым его мнением по каждому отдельному вопросу, о котором он когда-либо говорил или писал. Меня также стали считать ответственным за каждое заявление, сделанное в «Земля прежде всего!» за то время, что я был её редактором. Лично я хотел бы познакомиться с каким-нибудь редактором общественно-политического издания, который всегда соглашался бы с каждым словом в каждой статье, которую он или она согласилась бы опубликовать. Обвинения такого рода просто абсурдны.

Однако я осознаю, что мой собственный стиль глубинно-экологической политики действительно является ересью с точки зрения некоторых ортодоксальных представлений, которые звучат сегодня в самых либеральных и самых левых суждениях. Маленький тролль в глубине моего сознания тоже часто не даёт мне покоя. Почему же те трудные вопросы, которые он поднимает, не должны беспокоить остальных? Возможно, одно из самых больших различий между мной и Мюрреем в том, что я значительно более пессимистичен в отношении будущего, чем он. Я не уверен, что у нас есть достаточно времени, чтобы исправить положение, прежде чем голод, геноцид, война, тоталитаризм, эпидемии и экономическая разруха поглотят большую часть мира. Когда я смотрю в будущее, я редко вижу приятную картину, с охраняемой дикой природой, процветающими фермами, безопасными высокопроизводительными технологиями и улыбающимися детьми. Я надеюсь на это. Я работаю ради этого, но обычно мне кажется, что у нас мало шансов на такой исход.

Однако я ценю моего маленького тролля-еретика, поскольку если у нас действительно есть хоть какая-то надежда исправить положение, то она будет зависеть от того, сможем ли мы прямо взглянуть в глаза опасности. Нам не на что надеяться до тех пор, пока достаточное число людей не наберётся храбрости, чтобы верно определить основные проблемы, вызывающие экологический кризис. Эти проблемы, вне всякого сомнения, включают в себя социальный, политический и экономический аспекты, но они также охватывают экологические и биологические реалии. Нам нужно переосмыслить и пересоздать нашу социальную этику и политику на принципах экологии. И вот здесь мой маленький тролль оказывается полезным. Признать экологические корни наших неурядиц – это, в значительной степени, означает задавать непростые и тревожные вопросы по поводу ограниченной ёмкости биосферы земли.

Такие сомнения трудно понять людям, которые увлечены порождёнными современным индустриализмом мифами о роге изобилия и нескончаемым историческим маршем материального прогресса. Это особенно трудно для либералов и левых, многие из которых верят, что единственный способ покончить с бедностью и несправедливостью в том, чтобы экспоненциально наращивать доступный излишек экономических благ, пока мы не создадим сверхобеспеченное общество постдефицита, где никому не нужно драться из-за куска экономического пирога, поскольку этот пирог и так велик. Само представление об экологическом дефиците и потенциальной ёмкости ставит этот полностью «утопический» проект под вопрос.

Интересно, что базовое экологическое понятие потенциальной ёмкости принимается в отношении коров или слонов всеми, за исключением наиболее тупоголовых владельцев ранчо или прекрасодушных любителей животных. Но при этом нам претит признавать, что мы, люди, – тоже животные и что вопрос потенциальной ёмкости поэтому затрагивает нас самым реальным образом. Моё повторное заявление о реальности экологического дефицита может стать самой еретической вещью, которую мне придётся сказать. Действительно, это, может быть, главный водораздел между моими взглядами и взглядами большинства моих критиков слева (и справа). Любые предположения такого рода немедленно относят к мальтузианству и отвергают как давно дискредитированную псевдонаучную болтовню в лучшем случае и расистскую империалистическую пропаганду – в худшем.

Томас Мальтус, конечно, является удобной целью для нападок. Его зловещие прогнозы об экономическом крахе и мировом голоде, сделанные в начале XIX века, не осуществились так, как было предсказано. Его аргумент, сводившийся к тому, что народонаселение возрастает в геометрической прогрессии, тогда как производство продовольствия может расти только в арифметической прогрессии, также был упрощённым. К его чести, Мальтус, однако, оказался прав в своём основном положении, что человеческие общества существуют в определённом экологическом контексте, представляющем для них естественные пределы, к которым люди должны приспособиться, иначе их постигнет социальная или экологическая катастрофа. Природа нашей экосистемы предоставляет много возможностей для человеческого вида, но она также ставит перед человеческими обществами серьёзные биологические ограничения, которые не зависят от нашего собственного выбора и которые лишь временно могут быть проигнорированы.

К сожалению, отрицание этой экологической реальности позволяет беспрепятственно развиваться тем самым социальным тенденциям, которые подталкивают наше общество к катастрофическому превышению потенциальной ёмкости Земли. Такое страусиное невежество, вероятнее всего, приведёт нас, наряду с другими социальными факторами, в адское будущее, чреватое голодом, эпидемиями, развалом экономики, опустошительной войной, геноцидом и тоталитаризмом. В той степени, в какой движение за социальную справедливость игнорирует вопрос нашего выхода за пределы потенциальной ёмкости Земли, оно неосмотрительно увеличивает вероятность такого будущего для всех нас.

Действительно, Мальтуса можно считать оптимистом по стандартам конца XX века, поскольку он сосредоточился только на тех ограничениях роста народонаселения и экономического развития, которые установлены имеющимися запасами продовольствия. Осведомлённый в вопросах экологии политолог Уильям Офулс отмечает:

“ «Вместо простой мальтузианской перенаселённости и голода мы теперь должны также беспокоиться о нехватке огромного множества энергетических и минеральных ресурсов, необходимых, чтобы поддерживать работу машин промышленного производства, о загрязнении и других предельно допустимых отклонениях в природных системах, о таких физических ограничениях, как законы термодинамики, о сложных проблемах планирования и управления и о массе других факторов, которые Мальтусу никогда и не снились»⁷⁵.

Я настойчиво рекомендую, чтобы каждый экологический и социальный активист прочёл работу Уильяма Кэттона «Перехлест: Экологическая основа революционных изменений» и как следует разобрался в ней. В книге Кэттона содержится лучшее и наиболее содержательное из когда-либо опубликованных обсуждение влияния экологической ёмкости на человеческие общества. Он повторяет вынесенный Мальтусом вердикт, излагая его в терминах экологии: «Биотический потенциал любого вида превышает ёмкость его местообитания»⁷⁶. Люди рассматриваются здесь так же, как слоны или лемминги. Эта книга может полностью изменить ваши представления о мире. Я согласен с учёным индейского происхождения Вайном Делорией-младшим, который в аннотации на задней обложке книги Кэттона описывает её как «одну из важнейших книг, которые я прочитал за всю свою жизнь».

Однако математическая оценка Кэттоном того, как можно жить, не нарушая границ потенциальной ёмкости биосферы, сама по себе недостаточна. Есть несколько возможных моделей поведения, которые не выходят за пределы потенциальной ёмкости Земли. Некоторые из этих моделей нравственны и благотворны для всего общества, другие нет. С трудом поддерживающий баланс «ресурсофашизм» – это не просто умозрительная возможность для будущего. Он вполне может быть выбран как путь наименьшего сопротивления. Поэтому мы нуждаемся в прочном этическом основании, чтобы решить, над созданием какого рода экологически устойчивого общества нам следует работать. Мы, в конечном счёте, должны уяснить для себя не только те ограничения, которые налагает на наше поведение экологическая ёмкость. Нам также нужно изучить этические ограничения,

которые мы должны принять, говоря словами Олдо Леопольда, в отношении нашей «свободы действий в борьбе за существование»⁷⁷.

Либертарный левый может высказывать хорошие идеи по поводу этических ограничений нашего поведения, когда речь идёт об отношениях между членами человеческого общества. Гуманистическая социальная этика вырабатывает видение общества, где присутствуют равноправие, демократия и уважение ко всем его членам. Я лично готов подписаться под большинством пунктов этой этической программы – пока дело касается общества. Однако этого отнюдь не достаточно. К сожалению, подавляющее большинство левых, даже экологически ориентированных, почти ничего не могут сказать по поводу экологической этики, если выходят за рамки антропоцентрической по большому счёту задачи – обеспечить для всех людей устойчивую, нетоксичную и эстетически приятную окружающую среду.

По моему мнению, этот левый антропоцентризм представляет собой огромный изъян в моральных представлениях и в конечном счёте приведёт, в случае своего успеха, к миру, где Большое природное пространство и значительная степень биоразнообразия будут безвозвратно утрачены. Всё во мне восстаёт против такого чёрствого, нравственно ущербного взгляда. Я верю, что медведица гризли, сопящая возле ручья Пеликан-Крик в Йеллоустонском национальном парке вместе с двумя её детёнышами, имеет такое же естественное право на свою жизнь, как и любой человек – на свою. У всего живого есть своя внутренняя ценность, своё изначальное значение. Ценность живых существ не определяется ни тем, как они прозвучат в кассовом аппарате ВВП, ни тем, доставляют ли они эстетическое удовольствие людям. Они просто есть. Они те же самые три с половиной миллиарда лет путешествовали по линии эволюционного развития, что лежит за нашими плечами. Они живут сами по себе, ради самих себя, независимо от какой-либо действительной или предполагаемой ценности для человеческой цивилизации. К ним никогда нельзя относиться как к простым средствам для осуществления наших целей, поскольку они, как и мы, несут свою цель в самих себе.

Если бы мне нужно было предложить только одну книгу по экологической этике, которую должны прочитать люди, это был бы «Календарь песчаного графства» Олдо Леопольда. Этот автор, возможно, размышлял о природе и нашем отношении к ней более напряжённо, чем кто-либо ещё в Америке XX века. Директор национального леса, охотовед, пионер-эколог и университетский профессор, Леопольд всегда был на переднем крае борьбы за охрану природы. Его посмертно изданный «Календарь» занимает место среди самых замечательных рассуждений на тему экологической этики, написанных за всю историю. Одним словом, на мой личный вкус, это самая важная, прекрасная, мудрая книга из тех, что когда-либо выходили из-под пера человека. Он превратил тысячи людей в еретиков, и, откровенно говоря, времена призывают нас принять щедрую дозу радикальной экологической ереси.

Я полагаю, что внутренняя ценность, свойственная всем живым существам, требует от нас проявить открытую нравственную озабоченность тем, как мы организуем наше общество. Я полностью отвергаю антропоцентризм и утверждаю, что помимо наших социальных обязательств мы должны также чтить наш прямой моральный долг перед более широким экологическим сообществом, которому мы принадлежим. На нас лежит моральная

обязанность сохранять дикую природу и биоразнообразие, развивать уважительные и симбиотические отношения с той частью биосферы, которую мы непосредственно населяем, и не причинять ненужного ущерба нечеловеческой жизни. Далее, я полагаю, что эти моральные обязательства часто имеют преимущество перед собственными интересами человечества. Человеческое благосостояние жизненно важно для меня, но это не высшая этическая ценность. Я согласен с Олдо Леопольдом, что в конечном счёте «правильно то, что позволяет повышать целостность, прочность и красоту биотического сообщества»⁷⁸. Социальная этика, которая хочет обрести экологическую основу, должна быть согласующейся с этим общим экологическим моральным императивом. Вот почему Земля для меня прежде всего.

Такое экологическое сознание, конечно, радикальное, но оно отнюдь не новое. Оно было, в той или иной форме, общей чертой мировоззрения большинства первобытных народов на протяжении всей истории. Однако среди граждан промышленно развитых стран оно только начало получать сколько-нибудь значительное распространение. Для многих это – шокирующий разрыв с тем, во что их приучили верить с детства. Сейчас вся область экологической этики охвачена бурлением, поскольку всё больше людей пытается наполнить почти интуитивную неантропоцентрическую ориентацию содержанием и превратить её в хорошо аргументированную, пригодную этику, которая руководила бы взаимодействием человека с остальной частью природного мира.

Я именую свои предварительные наработки биоцентризмом, другие, как, например, Уорик Фокс, описывают свой подход как эоцентризм. Мюррей Букчин характеризует свою позицию как «этика комплементарности». Конечно, между этими разными неантропоцентрическими перспективами есть много пересечений. Есть также некоторые серьёзные разногласия по поводу того, в чём заключаются нравственно приемлемые отношения между человечеством и остальной частью мира, и эти разногласия заслуживают дальнейшего обсуждения. Действительно, существенные различия наблюдаются даже среди тех, кто называют себя биоцентристами. Скажем, философ Пол Тейлор написал подробное исследование на тему биоцентрического видения природы, но, хотя я ценю его усилия, его подход по большей части вызывает у меня возражения⁷⁹. Биоцентризм едва ли можно назвать монолитной точкой зрения. Ясно, что поиск земной мудрости только начался для большинства из нас.

Арне Несс отмечал, что в глубинной, рассчитанной на дальнейшее действие экологии есть три весьма различных тенденции: «натуралисты», «спиритуалисты» и «социалисты»⁸⁰. Я по своему темпераменту «натуралист». Моя первоочередная забота – это консервационная биология и защита дикой природы. Однако в политических вопросах я с течением времени стал всё больше ценить «социалистов», которые фокусируются в первую очередь на фундаментальном переустройстве человеческого общества, устраняющем социальную и экологическую иерархию. Такой подход, конечно, необходим, чтобы преодолеть всеобъемлющий экологический кризис, который сотрясает нашу планету. В свои лучшие дни я стремлюсь творчески синтезировать все эти подходы в целостную и последовательную концепцию, которая сможет направлять наше движение, даже если радикальные экологические активисты продолжают специализироваться каждый в своей особой области интересов. Именно поэтому я горжусь своим участием в этом диалоге с Мюрреем Букчиным,

одним из пионеров социальной экологии.

Мои страхи, однако, сводятся к тому, что этот синтез в итоге не сможет прижиться, что одна из этих трёх тенденций просто получит преобладание и жизненно важный вклад других точек зрения будет сведён к минимуму или утерян. Это беспокоит меня, потому что, я убеждён, это ослабило бы движение в целом даже больше, чем наше нынешнее деление на фракции, при котором все подходы, несмотря на свою ограниченность, по крайней мере живут и здравствуют. Поэтому я считаю, что для последователей любой из этих тенденций самой ответственной позицией будет предполагать, что их подход одновременно обоснован и ограничен.

Мы должны быть открытыми для критики других, чтобы отточить нашу собственную точку зрения. Мы также должны быть готовы помочь другим группам отточить их точку зрения, давая нашу конструктивную критику в проходящих диалогах и дебатах. И мы должны быть терпимыми и вежливыми по отношению к людям, с которыми мы можем расходиться в ходе дискуссии. Как мы можем создать человеческое общество, которое будет терпимо и уважительно относиться к личности, если мы не можем создать движение, в котором мы терпимо и уважительно относимся к людям, несогласным с нами?

В ограниченном подходе социально ориентированной экологии больше всего беспокоит меня то, что он легко может стать излишне социальным и недостаточно экологическим. Я вижу эту тенденцию среди многих социальных экологов, когда они утверждают, что мы должны «работать, чтобы восстановить гармонию между человечеством и природой через восстановление гармонии в социальных отношениях между человеком и человеком»⁸¹. Эта стратегическая аксиома создаёт впечатление, что традиционные социальные проблемы для либертарных левых выходят на первый план перед прямой каждодневной борьбой тех, кто защищает дикую природу, прививает экологическое сознание или собирается изменить взаимодействие нашего общества с миром природы здесь и сейчас. При таком взгляде, по-видимому, подразумевается, что как только социальные отношения между людьми будут полностью налажены, экологическое сознание появится само собой, и тогда произойдут необходимые перемены в отношении нашего общества к природе.

Очевидно, не все социальные экологи находятся во власти иллюзии, будто решение всех наших экологических проблем может подождать, пока не победит либертарная, демократическая социальная революция. Многие, если не большинство, ясно осознают, что мы не можем позволить себе такой роскоши, даже если бы хотели. К его чести, Мюррей открыто и неоднократно указывал на необходимость организации, в неотложном порядке решающей как социальные, так и экологические вопросы. И всё же сам этот социально-экологический лозунг, сформулированный и часто повторяемый многими группами, заставляет предполагать, что у многих социально-ориентированных экологов есть едва различимая тенденция приносить значимость важных (хотя, бесспорно, ограниченных) действий «натуралистов». Более того, я подозреваю, что такие действия представляют собой пережиток с антропоцентрической точки зрения, которая всё ещё распространена среди левых и поборников социальной справедливости.

Как ни странно, похожую тенденцию сегодня можно наблюдать даже внутри «Земля прежде всего!», когда-то бывшей оплотом неантропоцентрических «натуралистов». Я начал чувствовать себя всё неуютнее с притоком в «Земля прежде всего!» новых людей, которые, кажется, больше ориентированы на традиционные представления о социальной и экономической справедливости, чем на радикальную экологию. Похоже, этих новых активистов в первую очередь привлекает то, что организация получает освещение в масс-медиа, а также наша репутация сторонников конфронтационного, дерзкого прямого действия. Откровенно говоря, меня беспокоит, что эта эволюция отражает не процесс творческого синтеза, а неявное, но набирающее силу обесценивание основных идей первых «натуралистов», основавших «Земля прежде всего!».

Прошу заметить, эти различия между «старой» и «новой» гвардией в «Земля прежде всего!», всё же, по большей части, остаются искренними разногласиями порядочных людей, уважающих друг друга. Несмотря на всё, я чувствую, что новое воплощение «Земля прежде всего!» по-прежнему будет выполнять большую и жизненно важную работу. И всё же, учитывая мои взгляды бескомпромиссного, влюблённого в дикую природу «натуралиста», я ощущаю потребность работать в новой организации, которая будет твёрдо придерживаться идеи биоцентризма и всецело сосредоточится на выявлении, сохранении и восстановлении дикой природы. По этой причине я покинул «Земля прежде всего!» и вместе с другими начал рассматривать возможность создания такой организации. Надеюсь, эта новая организация дополнит работу многочисленных и разнообразных консервационистских групп и одновременно продолжит озвучивать чёткую позицию «натуралистов» в более широком радикально-экологическом движении, поскольку все мы трудимся вместе, чтобы прийти к общей, целостной перспективе, которая позволит преодолеть ограниченность каждой отдельной радикально-экологической тенденции, сохранив при этом её теоретические достижения.

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 21:42:11

Зверобой обновил 18 апреля 2025 21:43:02